

Воспоминания Закревской Марии Прокопьевны
о себе и своем муже Абдрахимове Абубакире Газизовиче, ветеране
Великой Отечественной войны (участнике освобождения Ленинграда,
Тихвина, Риги).

В войну мне было 13, 5 лет. Мама осталась одна с 5-ю детьми. 7 января я устроилась на работу, так как была самой старшей в семье. Мать лежала в больнице со скарлатиной, даже отца не пропустили к ней проститься. Он ушел на фронт.

Всю войну я проработала ок. Мотыгино на Раздольновском сурьянном комбинате стратегического значения. Многие имели бронь, да еще кое-кто по благу не пошел на фронт. У кого детей не было – учился, а тот, у кого были дети, вынужден был работать.

Комбинат имел горный, слесарный, механический, обогатительный, транспортный, дробильный цеха, цех, где стояли доменные печи, и плавился металл, шахты, химическую лабораторию. Выпускали заготовки для снарядов весом 20 кг во время войны.

Бывало, идешь по поселку, освещения нет, и мама провожала меня на фабрику до проходной. Была учеником счетовода, когда после работы оставалась и училась. Закончила сначала трехмесячные курсы, затем девятимесячные...

Война закончилась, и меня взяли в управление счетоводом, потом повысили и сделали бухгалтером расчетного отдела, потом старшим бухгалтером. А потом пришло письмо из Главка о переводе в Киргизию, где мне пришлось прожить 4 года.

В Киргизии все управление сменили. Ок. 70% начальников были киргизами, остальные – русскими. Киргизов было видно сразу – краснощекие, «безносые».

Там, в Киргизии, я познакомилась со своим будущим мужем Абубакиром, которому в то время было уже 28 лет, а мне лишь 20.

Отец Абубакира работал на золотых приисках. Его мама болела оспой – умерла. Отец привел в дом другую женщину. Она ни слова не говорила по-русски. Дед всегда ходил на пристань, ждал пароход с рыбой. Всегда запасал на зиму бочонок сельди. Тетя Махмузе стряпала очень вкусный рыбный пирог. У свекра жила ссыльная москвичка Вера Георгиевна (вообще он почитал всех ссыльных). Их гнали на север, милиционеры натравливали на них собак, обзывали. Муж Веры Георгиевны умер (он был высокопоставленным начальником). Ее арестовали и заставляли подписать чистосердечное признание, но она не подписала. И на нее вылили «парашу» и заставили стоять целую ночь. Стояла, боясь пошевелиться, да так, что лопались вены. После она сильно мучилась из-за этого. Она хорошо вышивала платья, тем и зарабатывала на жизнь. Получала она не много – всего 10 рублей в месяц. Поэтому свекор плату за проживание с нее не брал. И даже разрешал пользоваться заготовками. Она была очень грамотной,

обаятельной. Свекор, заботясь о ней, подыскал комнату по Крупской. Там она жила с 2-мя детьми.

Свекор работал в Норильске, поэтому знал многих ссыльных. Рыбачил на Пясине. Делился с заключенными. Приглашал в баню всех ссыльных.

Бывало, придешь к ним, а у него пять человек чаем балуется. До 3-х ночи задерживались. Профессор Казанского университета Кужма построил в Енисейске катер для облегчения транспортировки леса по воде. К нему в Енисейск приезжала жена, она работала хирургом и снимала у нас в комнату. Минарет у мечети сломал некто Мальцев, который устроил в клубе Вахитова артель – мастерскую, а затем котельную.

Некий ссыльный Федор покалечил бюст Сталина.

Абубакир был за Сталина. Адель Хакимович знал вдову Бегичева, которая жила на Худзинского. А. Х. – автор бюста Худзинского в Енисейске, также как и памятника Бегичеву на Диксоне. А поскольку самого уже не было в живых, то лепил он с жены Бегичева.

Сам Абубакир (Алеша) заканчивал институт. Шла Финская война и его в сентябре 1939 г. забрали в действующую армию (Забайкалье на границу с Маньчжурией), так и не дав сдать последний экзамен. В августе того же года его дивизию переводят в Куйбышев, где они участвуют в военном параде. Этот парад был проведен 7 ноября 1941 г., когда точно такой же парад проходил в Москве на Красной площади. К этому параду Абубакир и его друзья очень долго готовились, тренировались. На параде было много гостей, которые то и дело удивлялись военной мощи Красной Армии. Затем им приказали выбрать из горы обмундирования подходящие по размеру тулупы, шапки, сапоги. Абубакир взял лишь тоненькую фуфайку, так как подумал, что путь будет долгим, возможно будет и дождь и меховой тулуп может намокнуть, а где же его сушить? Поэтому его выбор пал на фуфайку.

Кончился парад, и их перебросили в Москву, а затем и под Ленинград, где было труднее всего тогда. Защищали они Тихвин и Новгород. В Тихвине все было готово к взрыву, даже церкви заминированы. Так как это было единственным местом, по которому можно было прорваться к Ленинграду. За оборону Новгорода дивизии было присвоено звание Новгородской.

За оборону Ленинграда Абубакир был награжден орденом «Красной Звезды» и медалью «За оборону Ленинграда».

Далее их путь лежал в Прибалтику. Эстонцы дружили с немцами, благоволили им, поэтому там война закончилась лишь в мае 1946 г.

Абубакир был дважды ранен и демобилизован. Перенес операцию по удалению грыжи, так как наладчик – связист всегда на передовой с тяжелыми катушками с проводами (после войны из-за этого мучился) При нем: лимонка за пазухой, суточный продуктовый набор, ложка за голяшкой и фляжка со спиртом. Связисты были неуловимы, за ними не поспевала кухня. 7 лет не видели они на фронте настоящей бани. Мылись только в речках, встречающихся у них на пути. Спали на выкопанных в земле и устланных лапником «кроватях», завернувшись в палатку. Просыпались с ужасным чувством холода...

Однажды, один нерусский, то ли калмык, толи еще кто, предложил попить чайку из снежной воды с маслом и сгущенкой. Только они расположились, как из кустов по ним «кукушка» стала вести прицельный огонь. Чуть не постреляли их.

В Эстонии они обходили дома и были приглашены одним приветливым хозяином в дом. Положено было осмотреть и подвал, если таковой имелся. А он имелся и еще какой! Там было очень чисто и уютно. В стороне стояли две бочки из-под вина, посередине несколько аккуратно заправленных кроватей, две из которых были расправлены, и несколько у стены. Бель на них было белоснежным. Рядом с каждой тумбочка с бритвенными принадлежностями. Их пригласили отобедать, у хозяина оказался День рождения. Они прошли в залу, по середине которого стоял длинный стол, накрытый белоснежной скатертью. А еды сколько и какой?! А за столом сидят чистенькие немцы и едят. Абубакир и его товарищи почувствовали себя неуютно, ведь были они грязными и вшивыми.

Помню, в тот год, когда в космос полетел Гагарин (1961), поехали мы с мужем на юг. Летом там отдыхали в основном иностранцы, а русские – зимой. Поэтому места нам сразу не нашлось. Мы сняли комнату. И лишь, спустя какое то время нас поселили в санатории. Помог нам с поселением один «высокий» начальник с маленьким металлическим прямоугольником в руке. Показав его, и его сразу поселили, мы это видели. На обед там всем выдавали по две бутылки пива. Но мы не пили, Абубакир вообще не пил. На площадке танцевали поляки модный в то время танец буги-вуги. Тут же отдыхал начальник из Киргизии, ворчавший по поводу несвоевременных звонков своей жены. Двухместный номер рядом занимал один немец, который все время приставал к убирающей в номере горничной, потому как был уверен, что она лишь бесплатное приложение к его путевке. А когда провожали немцев, то им устроили вечер. Один немец выпил лишнего и сказал: «Какой красивый уголок достался русским свиньям!»

Это к тому, кем почувствовали себя русские солдаты и Абубакир в доме у эстонца. Всех, в том числе и хозяина гостеприимного дома, пришлось препроводить в комендатуру. Таков был приказ.

После войны Алеше посоветовали учиться в учетно-плановом, что находился тогда в Енисейске (к тому же в этом техникуме работал его родственник).

Учебников катастрофически не хватало, один на группу. Договаривался с товарищами в общежитии. В 1948 г., после окончания техникума, его направили для работы в Киргизию.

А меня в 1949 г. перевели в Киргизию. Главный бухгалтер мне предложил поехать вместе с отделом. Тяжело было уезжать из дома (во время войны мы похоронили двух мальчиков). «Главный» был так добр ко мне, что по приезду поселил меня в отдельную комнату около металлургического комбината. Всячески оберегал меня и на рабочем месте. Через 7 месяцев работы предложил съездить в санаторий по путевке, которую давали только после 11 месяцев работы. И, тем не менее, он настоял.

Там, в Киргизии мы и познакомились с Алешей. Он увидел меня на танцах. А познакомились на дне рождения моей новой подруги 1 мая. Год целый дружили. Поженились. Главный бухгалтер был мне как отец, благословил нас. Фамилию оставила свою. Долго не могла забеременеть, и меня направили в грязелечебницу. Стояла жара до 45°. Узбеки носили грязь по два ведра, ею и лечили. Воду теплую минеральную пила, да массаж терпела 10 процедур. После грязи – душ. Так и забеременела. Родила мальчика – богатыря (4,5 кг). Роды длились 11 часов, специальных приспособлений не было. Пригласили даже хирурга, который и помог родиться моему первенцу. Абубакиру разрешили посмотреть на своего сына, он сразу узнал его, ведь рядом лежали чернявые киргизики. Молока у меня было много, поэтому до 6 месяцев кормила сразу двух малышей – своего и соседского.

Часты были землетрясения, то люстра шатнется, то кровать подпрыгнет, и всегда выли собаки. На киргизских базарах было все – я наестся никак не могла. Постоянно в столе держала пакетик с земляникой.

Все бы хорошо, да климат в Киргизии мне не пошел. Решили уехать в Сибирь, раз мы – сибиряки. Нам предложили переехать в Красноводск, а там такая же жара, если еще не жарче. По решению ВКК мы перевелись в Енисейск.

В 1952 г. в Енисейске не было ни одного автобуса и всего один самолет, с Баграда, где мы жили, приходилось Абубакиру ходить пешком до аэропорта. 35 лет проработал в аэропорту. После 25 лет службы ему предложили поехать во Фрунзе организовать учетно-плановую службу. У нас в это время было уже 2-е детей, но я настояла, чтобы он ехал и он поехал.

Год проработал, и его начальник там стал уговаривать остаться. Предложил сразу 3-х комнатную квартиру, должность. Но Абубакир не остался.

Потом он 3 года учился в Ленинградской академии, где в то время было не принято сдавать экзамены досрочно, т. е. экстерном. Абубакир не вылез из библиотеки, когда другие из театров. Он вытребовал комиссию, которой и сдал экстерном экзамены. Ему выдали диплом, и он вернулся домой.

Я 17 лет проработала бухгалтером в детском доме №1 у Фаины Савельевны Музафаровой, уж очень она уговаривала – и дровами обеспечить обещала, и медом собственного приготовления, который даже за границу отправляли. В то время д/д держал до 50 ульев. Ф. С. все всегда знала, то завхоз лошадь у цыган поменял (цыгане с вечера лошадь надували, а к утру она приобретала настоящий тощий вид), то кто-то из воспитанников курит в туалете.

Д/д располагал летним тарантасом, зимней повозкой и прекрасной упряжью. Когда я пришла работать в д/д, то там осталось лишь 180 воспитанников, а бывало до 360. Умирали!

У Ф. С. был единственный сын Алик, хотя она и не выходила замуж. Был он очень воспитанный.

Ф. С. была настоящей мамой для своих питомцев. В д/д хорошо кормили. Был замечательный повар – Жарников Прокопий Яковлевич. Однажды, десятиклассникам не понравился обед. Фаина Савельевна вызвала недовольных и, попробовав щи, кинула каждой в лицо горсть щей.

Дети приручили к себе коров и лошадей, кормили их с рук.

Был свой духовой оркестр, шефы – аэропортовцы всегда дарили подарки к Новому Году. Детский дом гремел в Енисейске!

Старый завхоз (был еще и молодой) был охоч до баб. Как-то раз мы поехали на пасеку. Путь наш лежал через деревню Телкино, в которой был хороший магазин. Уговорил завхоз меня выбрать отрез на платье. Доехали мы на пасеку уже вечером. «Ложись, отдыхай», - сказал мне завхоз, а сам всю ночь работал и к утру все ульи описал, успев выпить целый чайник сваренного пива. Когда он заболел, я вместе с Ф. С. ходили его навещать.

У Одинцовой я проработала год, пока не пришла Фаина Савельевна меня не забрала в детский дом.

Сизых приглашал нас с мужем работать в Лесосибирск. В ГОРОНО проработала 8 лет. В 1969 году нам дали квартиру в аэропорту.

У нас два взрослых сына: Рушан – старший, живет 6 лет в Канаде, ему 53 года. Окончил Томский университет. Тогда КАМАЗ только основывался, и из студентов создали группу и отправили в Набережные Челны, где он проработал 21 год на ВЦ. После распада КАМАЗа он был приглашен на работу в Краснодар, построили коттедж. Но снова не повезло с работой и снова пришлось уехать на этот раз в Москву в Домодедово. Работая в Домодедово, попал в группу, которая должна была лететь в Канаду работать. Живет он теперь в семимиллионном городе Неприалал, в основном французы и англичане. Рушан знает 4 языка, питается раздельно. У него две дочери. Одна – старшая окончила Ленинградский университет по специальности дизайн обуви. Она знает английский и французский. Ей 28 лет. Работает на фабрике. Она - просто умница!

Вторая - Даша – лентяйка, училась на 2-м курсе и бросила. Сейчас работает в каком-то благотворительном фонде.

Керам – младший сын живет в с. Озерном. Его жена Галя сейчас ведет кружок по нетрадиционной медицине, а раньше работала преподавателем в УПК. Окончила годичные курсы по пошиву верхней мужской и женской одежды.

На работу в д/д устроилась 1 ноября, когда нужно было сдавать отчет. Работу приняла от старого дедка, которого никак не отпускала Фаина Савельевна. С отчетами мы часто ездили в Красноярск. Ходили до Красноярска сразу две машины, друг друга страхуя. Дорогу переносила просто ужасно. Летали и самолетом. Тогда он был холодным. Одеваться приходилось очень тепло.

С отчетами задерживались по неделе и больше. Ведь детских домов в крае было 96, а в Енисейске – 3, №1 – наш, руководила которым Музафарова Ф. С., №2 – около кладбища с единственным в городе садом, №3 – на берегу.

Нередко меня оставляли за проверяющую.

«А раньше ездили на лошадях, - вспоминала Ф. С. – по несколько дней во время войны, везли с собой овес для лошадей и бочку жидкого мыла, детей же мыть надо».

Скульптору Абдрахимову Адель Хакимовичу, двоюродному брату мужа, сейчас 90 лет. Человек он очень хороший, много читает, даже после

операции на глазах, очень разборчив в пище, любит фитотерапию, лечение дробленой яичной скорлупой и чистотелом. Моя мама и сестра давно переехали в Томск. Сестра работала преподавателем истории в каком-то институте вместе с мужем, потом перевелись в Москву, где сейчас и живут. А мама умерла 96 лет от роду.

Отец мой, поляк по национальности, воевал с Колчаком, сидел в тюрьме, в 36-м - второй раз. Перед тем, как его арестовали, за него хлопотал управляющий Удерейским золотом Кондратьев. Обещал запрятать отца так, чтобы никто не нашел. Но отец не согласился.

Абубакир был очень чистоплотен, не пил, не курил. Не пьют и не курят сыновья.

Мне сейчас 78 лет, полтора года назад 7 сентября 2003 г. умер муж на 84 году жизни (1919 г. р.). У мусульман хоронят на первый день, а поминают на 3-й, 7-й, 40-й полгода и год. Каждому пришедшему на поминки дарится платочек с завернутой денежкой, а тем, кто копал могилу, дарится отрез полотенца на память. На стол ставятся: домашняя лапша, фрукты и мясо, разделанное и приготовленное только татарами. Одежда на похороны готовится всегда заранее. На поминки приглашаются все: русские и татары.

Воспоминания записаны со слов Закревской М. П. главным хранителем фондов Поздеевой Н. В. 25 марта 2005 г.

М. П. Закревская

✓ Закры
Закревская
Мария
Александровна